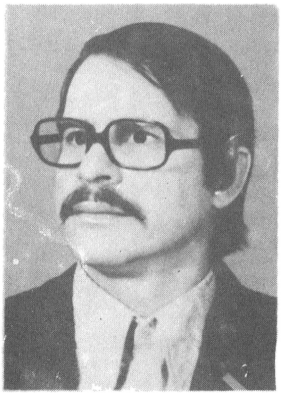
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ

Молодая гвардия

18 · 1983

Петро ФЕДОТЮК

Ловец птичьих голосов



Петр ФЕДОТЮК родился в 1942 году в селе Литки на Житомирщине. По окончании средней школы работал на строительстве доменной печи в городе Жданове и целлюлозно-картонного комбината в Астрахани, в геодезической экспедиции в Каракумах. Закончил факультет журналистики Киевского университета. На украинском языке издал три сборника рассказов.

О чем эта книга? О жизни. Но ведь все книги о жизни!

Эта книга — о жизни простой, будничной, такой, какая она есть. Только ведь каждый писатель, если он писатель настоящий (я убежден, что П. Федотюк именно настоящий), видит жизнь по-своему. У героев рассказов Федотюка она будничная, обыкновенная, а вот светится в ней какой-то огонек, неяркий, но теплый, ласковый, освещает все немудреное их бытие. Очень часто это огонек любви, какой-то неясный, то ли с горчинкой, то ли таинственный, иногда подернутый дымкой тоски по чему-то несвершенному, несбыточному, ибо не все в человеческой жизни сбывается. Может, потому она и бесконечна, заманчива, наша жизнь. И люди, живущие в книге П. Федотюка, чем-то привлекают к себе. Может, тем, что стремятся по-своему к добру и свету.

В рассказах писателя меня привлекает стремление проникнуть в глубины человеческой души, к первоистокам чувств, побуждений и желаний, порой неясных и оттого требующих от писателя особой тонкости, умения с отдельных мозаических штрихов воссоздать картину, настроение. Это похвальное стремление в рассказах П. Федотюка играет все большую роль. Начинал он как последователь, я бы сказал, школы натуральной; правдивость, натуральность его рассказов и сейчас брать под сомнение не приходится. К авторским позитивам следует отнести и то, что он нигде не навязывает читателям своего мнения, он ему доверяет: читатель сам найдет правильные оценки и суждения.

При всех достоинствах прозы молодого писателя нужно признать, что не все его рассказы равноценны, иногда он не удерживается на «собственном уровне», порой ему трудно удержать читательское внимание. Но в целом это добротная и перспективная проза.

Юрий МУШКЕТИК

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

Молодая гвардия

18 · 1983

Петро
Федотюк

Ловец птичьих голосов

Рассказы

Москва
«Молодая гвардия»
1983

Художник С. КОМАРОВА

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

© Издательство «Молодая гвардия».
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1983 г.
№ 18 (73)

ПРИСНИЛИСЬ МНЕ ЗВЕЗДЫ

Прямо передо мной, забирая вверх, желтеет бархан. В изножье к нему присосался молоденький куст саксаула. Издали куст пушистый, как новорожденный зайчонок. Конечно, на самом деле он колючий и жесткий, но этой нечаянной свежести с лихвой достает оживить бесплодный песок пустыни. Бархан и молоденький куст — это все, что я вижу, если смотреть на запад, куда несколько дней назад ушли мои друзья. Теперь я каждый вечер жгу костер, чтобы им было легче заметить меня при возвращении.

Друзья возвратятся, и мы уйдем отсюда. Сильное тельце куста сперва запорошит песками, а после бархан — бесконечный кочевник — выплюнет ствол и пожухшие ветки. Но деревце, которое мгновенно станет старым, потому что природа украла и юность и зрелость его, совсем не умрет — жизнь держится в корне. И может, ему повезет — вцепится в новый бархан, и новые ветки с колючими иглами выбросит ствол, и снова кого-то они удивят ощущеньем прохлады на желто-горящем песке.

Ветер пустыни сделает все, чтобы замести и наши следы. Играясь, развеет остатки костра, растворит его пепел и угли в

оранжевом свете безмолвья. Погонит консервные банки — что ему жалобный звон их,— утопит, зароет, попрячет, как волна ракушки, на самое дно. Ящерицы облюбуют подножие шалаша, вихрем промчится джейран или заяц-толай по бывшему нашему лагерю, бродяга-змея свернется в тугую спираль, предвкушая случайную жертву.

Но мы не исчезнем бесследно. Останутся клумбы песка со столбами по центру. Ветер бессилен расправиться с ними — плоть каждой клумбы мы укрепили скелетом из веток кандыма или акации. На крепких коротких столбах сделали надписи. Стихийным романтикам странствий они непонятны. Но тем, кто придет за нами, цифры и буквы расскажут, как письма, о трассе, которую мы прошли, и вскоре протянется здесь лента канала...

Знаете, как пахнет костер, когда гаснет вечернее солнце? В нем и степь, и спокойные кони, и тропка к родимому дому, и все это с легким налетом усталости, праздности, грусти. Тает дым, словно след минувшего дня, еще одного к тем, что вытянулись караваном, и уже не видать головы его, и реальность перемежается с грезами, но нет брода у времени, которое их разделяет. Дым — добрый дух огня — ласкает, пьянит своим танцем. Тепло — от огня. Веселеешь — от дыма. От сигареты тоже сочатся сизые паутинки. Курение — друг ожидания, надежнейшее средство укоротить дорогу. Вот говорят, что и жизнь оно укорачивает. Как много стало известно помех человеческой жизни!

А ведь когда-то я не курил. Много воды утекло с тех пор... Это фигуральное выражение исподволь напомнило мне о неутолимой жажде, преследующей человека в пустыне все его дни. Особенно трудно было в самом начале. Когда хватались за теодолит, засовывали за ремень топорики и двигались своим маршрутом, могли взять с собой только по небольшой фляге. Те фляги — произведение настоящего гения: сшитые из парусины, с горлышком от обыкновенной бутылки, долго сохраняли воду прохладной. Беда только, что ни у кого из нас не хватало терпения сберечь воду до конца дня. Из-за этого делали частые

привалы, совершали переходы к верблюдам, ожидавшим нас вместе с погонщиками в условленном месте.

Но понемногу втянулись. Со временем я привык и к ранним подъемам — работать было удобнее при утренней и вечерней прохладе.

Говорят, что пустыня однообразна и скучна,— неправда. Сколько тут такого, что впечатляет глаз и трогает душу! Необыкновенно интересные ландшафты — ярко-желтые, с красными отблесками пространства песка, испещренные застывшими волнами, гребни которых и в небольшой ветер дымятся, словно притихшие вулканы; тут и там где гуще, где реже взъерошенные пятна саксаула, кандыма и пустынной акации, а местами настоящие рощицы, в тени которых могло бы спрятаться даже стадо коров. Шустрые юркие птички, похожие на наших дроздов, одинаково хорошо передвигающиеся по земле и быстро шныряющие в воздухе, хамелеоны и маленькие вараны не боятся нас, наверное, потому, что еще не встречали людей. Нередко наши охотники приносят на ужин зайчатину. Косые ведь тоже легко дают взять себя на мушку, если кто-то раньше не напугал их неудачными выстрелами. А вблизи Амударьи, прозванной местными жителями Джейхун, то есть Бурлящей, к нам забегали джейраны, удивительно грациозные создания.

Недавно нас прихватила песчаная буря — совсем незадолго до того, как наш маленький отряд разметало по пустыне. Мы как раз грезили о скором вкусном обеде, как вдруг небо потемнело и свет померк. Мы обрадовались — может, дождик капнет,— но вместо влаги на нас посыпались миллионы песчинок. Торопливо закрыли лица, кто чем мог, и легли на землю. Присыпало нас слегка, сорвало палатку. Что ж, беда невелика — отряхнули песок с одежды и тронулись дальше, по смещенным самумом барханам...

Дни шли за днями. С утра работа, вечером — песни у костра, рассказы о разных приключениях. И воспоминания. Часто перед глазами вставали родные места...

Жил я раньше в Житомире. Житный рынок, Малеванка, Голова... не кого-нибудь — Чацкого. Эти названия знакомы бывавшим в украинском городе. Малеванка — пригород в яблонях, Чацкий — скала на реке под названием Тетерев. Рынок... ну, это цветная толпа, и всецветие фруктов, и краски крикливого гомона, и солнце по влажным прилавкам.

Возле рынка была моя служба, а жил я в тихой Малеванке. На службе, в должности завотделом, правил финансами, был докой в делах пенсионных — работа спокойная, тихая, как благополучная старость. В командировки ездил нечасто, а если случалось, то недалеко. Меня регулярно премировали, объявляли благодарности. Многие мне завидовали. Пожалуй, среди чернобровых житомирских девчат нашлась бы не одна на вакантную должность — не в штате отдела, а в моем свободном сердце. Ходили бы с ней в кино, гуляли бы по парку, по городу — согласие, лад, радости бытия. Все бы так и сталось. По крайней мере я не имел других намерений на будущее...

Лето парило, как гейзер. Люди, животные, птицы вздыхали разморенной грудью. Деревьям была тяжела раскаленная крона — казалось, они ее сбросят задолго до осени. Солнце утюжило небо без устали, и там ни морщинки, ни облачка.

Теперь, когда мне знакомо нещадное пекло пустыни с яичницей солнца на ней, которая брызгала шипящими искрами, я знаю, что лето Житомира сошло бы здесь за мягкую осень. Но тогда я, как избавленья, ждал обеденного перерыва. Кефиру и булке — секунды, и тут же — на Тетерев, в объятия ласковых волн. Чуть-чуть в стороне, на облюбованном городом пляже, река становилась кричащей, кипящей от множества звуков и тел, населявших ее в этот час...

Я попросил хозяйку стелить мне в саду. Купил раскладушку. Тетка Обичайчиха с недоверием глянула на парусину и усмехнулась. Жара, мол, жарою, а молодость — это понятно: не хочешь скрипеть дверями, возвращаясь на утренней зорьке. Была у нее дочка Галя — тугая, как репка, с яблочками румянца. Взаимная наша симпатия не шла дальше легких улыбок, но Обичайчиха в думах своих раздувала безмерное пламя... Место

моей раскладушке найдено было неподалеку от раскрытого на ночь окна хозяйки.

Ночь, словно огромный колокол, накрыла землю. Стало тихо. Я лежал на спине и смотрел, как в бездонную тьму самолетами плыли звезды. После долгого взгляда они начинали роиться, словно становились пчелами.

Какое блаженство — заснуть под звездами!..

Проснулся я внезапно. Небо приблизилось, звезды подвигались куда-то в упрямом своем полете. Тишина обещала чудо. Капля росы упала мне на щеку, где-то вздохнул, распрямившись, листок. Казалось, я слышу сладкие муки травы, пробивавшей остывшую землю. И тут увидел цветущую яблоню возле моей постели. Догадался, что это Галя в белом, словно дышащем платье, коса облегала ее плечо, улыбающиеся губы казались лепестками. Всего лишь одно мгновение — и вот уже нет ее...

Я снова уснул и очутился далеко-далеко, где не было белых видений, не было искорок звезд, лишь зелень да зелень — моя кучерявая юность. Позади школа, куда-то иду по дороге, вная, что не наугад. Дорога свободна — добрая, как льняное полотно, цветы по бокам ободряют, кивая, ласточки стрелами обозначают мой путь. Ни день, ни ночь, но свет отовсюду, как перед утром. А вдали — миражный город с башнями зданий, с легкими куполами деревьев, меняющийся с каждым шагом, как облачко под ветром.

У городских ворот никто меня не остановил. Цветы, фонтаны, окна — все было в ярком движении. Прохожих немного, в их облике не замечалось суеты. Я между ними чужим себя не почувствовал.

Подошел к высокому зданию, сотканному из полупрозрачного, полупризрачного материала — словно из воздуха с солнечными лучами. На ступеньках стояла девушка с глазами цвета неба. Она подала мне руку и повела лабиринтами коридоров и комнат. Сквозь стены виднелись серебряные контуры, я понял их назначение: это были наброски будущих городов.

Потом мы пошли по улице, иногда останавливаясь, чтобы

перемолвиться с кем-то из редких прохожих — слова были искренни, откровенны и доставляли нам радость.

Прощались уже за воротами — без грусти и досады. Мы знали, что скоро увидимся и, возможно, тогда не расстанемся...

И тут я проснулся снова. Солнце краешком глаза выглядывало из-за деревьев. Взволнованный и счастливый, я начал мыться холодной водой. Плескал ее на руки, на плечи и слышал — поет Галина, и видел покой и надежду в добрых глазах Обичайчихи. На краски утра и мира падали отблески света, которым я был наполнен, в котором рождалась радость — пышный куст цветущей сирени...

Но как только кончился день и настала ночь, снова закачала меня колыбель с расшитым звездами покрывалом, снова ступил я на дорогу, ведущую к волшебному, призрачному городу. Казалось, порыв безразличного ветра легко мог его унести, раскидать, как тополиный пух. Но город стоял. Нет, точнее — он плыл на меня, не качая ни легкими башнями, ни куполами деревьев. И снова цветы, фонтаны меняли свои очертания в поисках правильной формы, стремящейся к совершенству, к природной гармонии. Возле знакомого здания меня ожидала девушка с глазами морской глубины. Она подала мне руку, и мы пошли с ней в гору — чем выше, тем труднее, но тем и прекраснее, чем выше. Мне нужно было запомнить все, что нам открывалось...

На финансовых ведомостях цифры и буквы все чаще слагались в очертания прекрасных зданий, ждущих человечество. Сны вытесняли все будничное, но снами не проживешь. Я пробовал доказать себе, что финансист, пожалуй, для приближения будущего нужнее, чем сотня мечтателей. Пробовал быть аккуратным работником, но что-то меня сбивало, наверное, воображение о сказочном городе, на многих ажурных зданиях которого я видел розовый парусник. Он был столь тонко исполнен, что в нем жило ощущение движения и ветра, вздымавшего паруса. Герб чудесного города...

Как же я удивился, вернувшись однажды с работы и обна-

ружив парусник у себя на столе. Тот же точный абрис, тот же упругий ветер в розовых парусах.

Хозяйка недоумевала — откуда он мог здесь взяться? А Галя трогала косу и загадочно усмехалась...

Дни уходили за днями. Они унесли жару. Ночи стали прохладны, зачастили дожди. В дом я не перебирался, но путешествия в будущее больше не повторялись, как ни призывал их с наступлением сумерек.

Наконец меня осенило открытие: моим конторским занятиям вовсе не обязательна молодость и энергия.

Миновала зима, и снова пахнуло теплом, летом. Я бродил по оживленному городу, увидел доску объявлений, а на ней большими зовущими буквами между другими известиями — всего два слова: НУЖНЫ РАБОТНИКИ... Отряд геодезистов звал людей в экспедицию. «Наверное, интересно»,— подумал я и направился по адресу.

В указанном управлении меня спросили, где я работаю. И усмехнулись: «Деньги мы сами считаем». Обиженный этой репликой, рассердившись на себя, я предложил взять меня просто рабочим. Начальник потер ладонью выжженный солнцем лоб и вяло сказал:

— Ну что ж, пиши заявление...

На службе мое увольнение приняли как причуду. Но прошло — по закону — две недели, и открылся путь в новую жизнь.

Обичайчиха шумно вздохнула, смиряясь с несбывшимися надеждами. Я посмотрел на Галю и только тогда увидел: глаза ночной моей спутницы — это ее глаза.

— Счастливого плавания! — протянула она парусник, который я чуть не забыл.

Я обещал вернуться — может, и правда верил в то, что приеду в отпуск.

А кораблик весело вздымал свои паруса, словно вот-вот должны были взбудоражиться волны, выплеснуться через забор, сбежать ручьем через огороды и луга, неся на себе легонькое суденышко, и оно понесется дальше, в настоящее синее море...

О, эта вода! Эти чудящиеся разливы волн! Сколько раз они грезились в нашем вынужденном горячем сухопутье. Не журчащие ли миражи извели вконец нашего коллегу Аноркула Тулянова? И неудивительно — стоял жаркий июльский день, нещадное солнце палило и палило, сухой воздух тяжело нависал над горячими барханами.

Мы только что сделали привал, натянули тент, чтобы хотя немного защититься от солнца, и все равно обливались потом, дышали широко раскрытыми ртами, словно рыбы, выброшенные из воды на берег. С самого начала месяца была такая жара, что казалось, мы работали в гигантской печи. Выдержка у всех была на пределе. Редко звучали шутки, смех. Вдруг наш техник Аноркул Тулянов сгреб с головы свою потрепанную шляпу, с силой бросил ее в песок и прохрипел:

— К черту!

Мы удивленно взглянули на него.

— К черту! — повторил Тулянов.— Не для того я учился, чтобы жариться в этом проклятом пекле. Уйду отсюда. Сегодня же,— и что-то промолвил верблюдщикам. Те возбужденно загомонили.

— Куда ты пойдешь? — неторопливо отозвался Юра Юрченко, инженер, наш начальник. Юра служил на Балтике, откуда привез закопченную трубку, а тут, в пустыне, отрастил роскошную бороду.— Думаешь, пустыня — столичный бульвар? И десяток километров не пройдешь один, концы отдашь.

Аноркул упрямо молчал, морщил лоб. Казнился, что не выдержал и вспыхнул? Ан нет. Поудобнее устроившись на кошме, он задумчиво сказал:

— А вот верблюдщики уверяют, что верблюды заболели и нужно возвращаться к жилью.

— Что? — нахмурил Юра брови.— Это они говорят или, может, ты их заставляешь плясать под свою дудку?

Аноркул показал на верблюда, у которого катились слезы из глаз.

— Они говорят — когда верблюд плачет, помирать будет.

— Да им песок в глаза попал, вот и слезятся.

— Все равно они уедут,— не сдавался Аноркул.

Юра подошел к нему поближе.

— Не хочешь работать — уходи один. Но верблюдщикам скажи, что никуда я их не пущу.

— Брось, начальник! И в самом деле не мешало бы по-человечески отдохнуть, освежиться как следует,— поддержали Аноркула Сикорский и Астахов.

Тогда Юра, путая узбекские слова с казахскими, изрядно сдабривая их украинскими и русскими, начал говорить о том, какое большое значение имеет наша работа для будущего, как важна она и для каждого из нас, потому что вскоре неузнаваемо изменится облик этого пустынного края... Ну а если кто-то не останется работать, закончил он, то за простои и срыв работы придется ему же и отвечать.

Верблюдщики снова заговорили, перебивая друг друга.

— Если Аноркул уйдет, они тоже уйдут, а если останется, то и они останутся,— перевел наш ровесник Ачил. И добавил от себя: — В их глазах начальник он, а не ты.

— Так слушай же, Аноркул! — снова заговорил Юра.— Ты всю жизнь прожил в этих краях и не можешь выдержать. А как же тогда они? — И показал на нас.— Они представления не имели, что такое пустыня, и вот не хнычут. А ты думаешь, мне легко, когда я привык к свежим ветрам Балтики? Но если взялись за дело, нужно довести его до конца. Мужчины мы или тряпки?..

Долго продолжался спор. Мы понимали, что Тулянова не так жара донимала, как требовательность Юры, из-за которой и раньше случались стычки между ним и начальником. Наконец Юра выругался:

— Черт с вами! Хотите уезжать — скатертью дорожка. Но тогда все поедут. Вместе пойдем к Тимошенко.

(Тимошенко — это начальник нашей партии.)

Мы начали навьючивать верблюдов. Аноркул безмятежно сидел под саксауловым кустом.

— Не передумал? — коротко бросил ему Юра, когда поклажа была уложена.

Аноркул посмотрел на него снизу вверх, неторопливо покачиваясь взад-вперед, поднялся, отряхнул песок с брюк, крикнул что-то верблюдщикам и выдавил одно-единственное слово, прозвучавшее эхом вопроса:

— Передумал...

Верблюдщики начали развьючивать животных.

— Подождите! — остановил их Юрченко.— Время потеряно, и работать сегодня уже некогда. Поедем к колодцу, искупаемся.

Это было неплохое решение. Все будто уладилось.

Но мы ошиблись.

После того как постирали одежду и хорошо выспались, Аноркула, верблюдов и некоторых погонщиков не оказалось. Исчезли и Сикорский с Астаховым. Беглецы забрали значительную часть провизии.

— Видимо, Аноркул побоялся идти вместе со всеми: гнев начальника партии хорошо ему знаком,— догадался флегматичный Костя Базенчук.— А появится один — обольет тебя грязью.

— Может, не надо было идти к колодцу? — задумчиво грыз мундштук трубки Юра.— Без воды он не посмел бы нас оставить.

— Не надо казниться понапрасну,— успокоил Ачил.— Этому абреку ничего не стоило бы оставить нас умирать от жажды. А так вода рядом — не пропадем...

Нас осталось четверо. Четверо наедине с пустыней.

— Ничего, ребята. Главное, не падать духом. И в самом деле, как говорит Ачил, вода — вот она. А с ней мы ого сколько можем продержаться! Хотя, думаю, помощников слишком долго ждать не придется... Закончим свое дело, а тогда уж и отдохнем капитально.— Но, встретившись с нашими не очень оптимистическими взглядами, Юра умолк.

Бидоны, в которых у нас по селам перевозят молоко, а здесь — воду, были наполовину пустыми. Живительную влагу с пятидесятиметровой глубины колодца нам вытаскивали верблюды. Теперь приходилось побывать самим в их шкуре.

— Запрягайсь! — весело крикнул Юра, и мы потянулись к тонкому стальному тросу, обмотав руки тряпьем.

Сначала у нас ничего не вышло. Примерно с половины глубины тридцатилитровое ведро бултыхнулось обратно в темную нору колодца. Тогда мы воткнули в скользкое плетение каната несколько саксауловых палок и с их помощью вышли победителями. Такая зарядка ожидала нас каждое утро, а в тот день мы еще приводили в порядок имущество, пересмотрели запас продуктов...

На следующий день я заметил, как озарялось странной улыбкой лицо Юрченко, который бродил в окрестностях нашего лагеря, будто выискивая что-то. Наконец обратился к нам торжественно и многозначительно:

— Мы на периферии трассы, но не на обочине жизни. Канал с нашими оскудевшими силенками вряд ли одолеть, но я вот нашел в планшетке кальку спортивного комплекса, который станет украшением будущего оазиса... Предлагаю заняться съемкой оного сооружения, дабы не терять понапрасну золотое время.

Но что-то в его интонации насторожило меня — то ли говорил он слишком высокопарно, то ли идея строительства спортивного комплекса в голой пустыне, в изрядной отдаленности от трассы канала казалась неисполнимой. Однако я не высказал своих сомнений. Лишь позднее стало ясно, что они были небезосновательны — Юрченко просто пытался впрячь нас в работу, чтобы мы не свихнулись от тоски и безделья. А тогда мы привязались к местности и начали свой обычный труд, только сменив кочевую жизнь на оседлую: спорткомплекс — игрушка не на день-два...

Однажды после полудня услышали треск вертолетного винта.

— Я и не сомневался,— обрадовался Юра,— что Тимошенко, как только узнает обо всем, обязательно пришлет вертолет.

Мы со всех ног бросились к нашим спасителям, но, оказалось, люди с вертолета ничего не знали о нашей экспедиции и наведались сюда совершенно случайно — набрать воды. И мест у них свободных не оказалось.

Юра набросал небольшую записку и попросил пилота, если тому не случится побывать в селении, где находится штаб нашей экспедиции, отправить ее по почте. Пилот обещал...

Прошла неделя. Продукты кончались.

Неужели о нас забыли?..

Когда человеку в пустыне втемяшатся в голову такие мысли, руки опускаются.

Ждать дальше было бессмысленно. Пожалуй, даже опасно. Вечером Юра заговорил, словно ни к кому не обращаясь:

— Нужно добираться к жилью, тормошить начальство. Наверное, о нас никто ничего не знает. Не исключено, что Аноркул загулял в поселке верблюдщиков, а пилот вертолета записку не передал. До поселка ходу дня три. По дороге только один колодец, вокруг ни души.

Мы молчали, не решаясь что-то предпринять.

— Что же, надо идти,— сказал наконец Ачил.

— Нельзя оставлять без присмотра приборы и все наше имущество. А навьюченные, как верблюды, уйдем недалеко.— Юра намекнул этим, что кто-то должен здесь остаться.

Мы честно потянули жребий. Остаться выпало мне...

Не успели ребята уйти, как я вышел на высокий бархан и начал всматриваться в даль: не видать ли верблюдов, не появятся ли люди?

Но ничто не тревожило мертвый покой пустыни.

Так прошло три дня, четыре, пять...

Мучаясь ожиданием, спрашиваю себя: давно ли были Житомир, Малеванка, мой каприз — спать под открытым небом?

Сейчас сны под звездами — в порядке вещей. И если подумать, то с далеких житомирских времен мне довелось побывать во многих краях. Земля, по которой ступал я собственными ногами, всегда становилась близкой и дорогой. Она — уже не названия на географической карте, она — это люди, события, добрая наша память.

Конечно, вернись куда-нибудь, и не узнаешь той земли — фабрики, электростанции, дома, аэродромы... Однако мы редко возвращаемся, чтобы увидеть все это. И когда я смотрю на веселый парусник, с которым не расстаюсь и в дороге, то думаю, что сны под звездами являлись не напрасно...

Чу, кажется, вдали зазвенел колокольчик. Почудилось мне или на самом деле звенит?

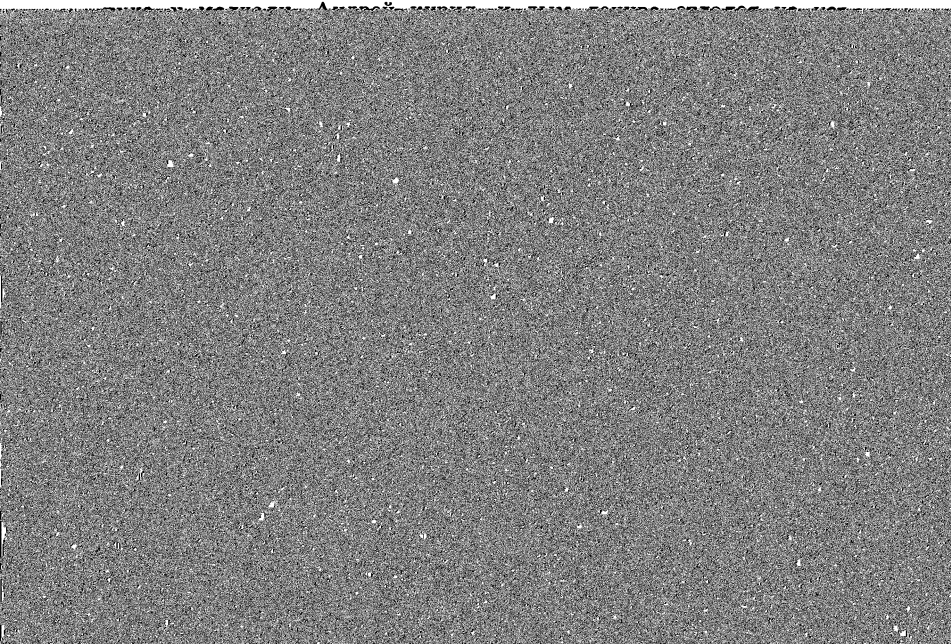
Колокольчик слышен все явственнее, наверное, на шее головного верблюда. Я подбрасываю в костер последнюю охапку сучьев и торопливо взбегаю на высокий бархан...

ТОНЬШЕ ПАУТИНКИ

Пекло солнце.

Было тихо.

Мы сидели в тени огромной пирамиды необожженного кир-



дейчик, забудем все, пусть останется все, как прежде. Я люблю тебя! Приходи ко мне, любимый».

Скомкал письмо, сунул в карман.

Какая она, Ева!..

Долго не мог заснуть этой ночью. А потом — то ли сон, то ли грезы.

...Веял ветерок. Светила луна. Они, как дети, притихли в вишеннике за хатой. В лунном свете бледным, будто меловым, кажется ее лицо, на губах тает улыбка, глаза доверчиво-нежные. Те губы — терпкие, шелковые...

— Хватит,— тихо шепчет Ева,— я и так хмельна...

Даже когда проснулся, все казалось, летает на упругих крыльях.

И снова горькие раздумья. Она расплескала лунное сияние, растеряла его. Он к ней не вернется...

Первый снежок выпал тихо и незаметно. Старики говорили, что покров обязательно укроет землю если не снегом, то листвой. Вышло, что и снегом и листвой одновременно.

В этот день в Миньковцах в каждом доме гостевали. На покров принято звать к себе родственников, угощать всем, что добыто за лето.

Было весело и шумно и в доме Гордея. Пили вишневку, пели песни, веселые и печальные. Когда же неугомонные молодки принялись задушевно выводить:

Хто з любов'ю не знається,
Той горя не знає,—

Гордей тихо собрался — и к дверям.

— Что, милок, веселье не впрок? — сказал дядя Опанас и засмеялся.

— Пусть идет,— отозвалась одна из молодок.— Ему с нами, старыми, неинтересно...

Возле клуба было шумно. Еще шел фильм, а во дворе чубатый парень без шапки склонился на скамейке над гармошкой.

Несколько пар лихо перебирали каблуками — аж земля гудела. В стороне толпились любопытные. Гордей и сам остановился неподалеку.

— Здравствуй! — жарко дохнуло ему в шею.

Оглянулся — и приветствие застыло на губах.

— Откуда ты взялась?

— В гостях... Читал мое письмо?

— Читал...

— Почему же не отозвался?

— Долго говорить...

— Так почему и не побеседовать? Я не тороплюсь, а ты?

Он неосторожно коснулся ее руки, она поняла это по-своему и просунула ладонь к его запястью.

— Ты уже работаешь?

— Уже.

— На тракторе?

— На тракторе...

— Так и не научился разговаривать...

Они остановились у магазина, вокруг никого. Девушка прижалась к нему, сказала:

— Мне холодно.

— Ну и что?

— Погрей, какой же ты стал недогадливый!

Он взял ее руки в свои, начал легонько, словно нехотя, дышать на них, прикоснулся к пальцам губами — как раньше. Девушка подалась к нему, и он неожиданно для себя крепко поцеловал ее.

— Ты уже не сердишься? — выдохнула Ева.

— Извини, это, наверное, хмель. Пойми, я не могу так легко забыть все. Ты мне не чужая. Но не так это должно быть... В груди я носил бы льдинку... Может, растает, тогда я к тебе приду.

— Я сама приду к тебе, Гордейчик!..

В следующую субботу Ева опять появилась в Миньковцах. Родственники, к которым забежала на минутку, встревожились:

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— Тогда садись, ужинать будем.

— Не хочу есть... Пойду сейчас.

— Вот как! Куда же?

— В клуб... Переночую у вас, если вы не против, а ранехонько побегу к коровам.

— Разве у вас клуб развалился?

— А, не спрашивайте...

Что-то в груди Гордея дрогнуло, когда увидел ее, разрумяненную, с глазами, излучавшими радость. «В такую даль, в мороз...»

А через неделю она снова пришла. Добрые люди уже начали хитровато перешептываться. Девушка на это не обращала внимания, топтала тропинку к своему любимому.

При каждой встрече видит Гордей: тает девушка. Не уксус ли случайно пьет, чтобы похудеть, быть такой, как стильные городские девчата? Пощипывает у него возле сердца, а терпит. Встретятся — опять больше молчат. Расскажет разве что Гордей, как удобрения на поля вдвоем с Володькой Садовым возят, щиты для задержания снега ставят. Уже немного осталось той работы...

— Мы на ферме тоже не сидим сложа руки... Неужели у тебя, Гордей, слова для меня ласкового не найдется? Камень, и тот бы уже растаял, а ты...— У нее впервые блеснули слезы.

Гордей неуклюже положил руку ей на плечо:

— Ты не сердись. Характер такой у меня. И сам ему не рад.

Она повернулась к нему, рванула пальто:

— Не веришь, сомневаешься во мне? Так можешь убедиться — не изменяла я. Слышишь? Испугался?.. Эх, Гордейчик, Гордейчик, я ведь тебя такого разлюблю!

Застегивал ей полы пальто, прикрывал от холода, сажал на седые колоды. Обнимал жарко. Но чувствовал — не растаяла льдинка.

Выстрелило в саду первым цветом. За ним, словно белой шрапнелью, начали взрываться вишни, груши, черемуха...

За Миньковцами есть широкий овраг, густо обсаженный черемуховыми кустами. Там на зеленой траве лежал навзничь Гордей, выглядывая первые звезды. Ева сидела рядом, играя ромашкой.

Он коснулся ее руки:

— Что говорит цветок?

— Тайна.

Быстро подошла темень. Небо густо всходило звездами. Ева не успевала их считать...

Забросал, засыпал ее Гордей черемуховым цветом. Пьяная от черемухи, от его поцелуев, тихо смеялась, радовалась Ева. Теперь Гордей ее. Только ее. Теперь они всегда будут вместе...

Черемуха отцвела, зарозовела завязь на вишнях.

— Ты любишь детей? — спросила Ева.

Гордей нерешительно ответил:

— Дети — это счастье...

— Можешь считать себя счастливым...

Он долго целовал ее глаза.

А шел домой — сомнения одолевали. Кто-то из парней в армии говорил, что женщина в отчаянии готова на что угодно...

Зашел в дом, сел на скамью.

— Что такое, сынок?

— На работе допоздна... Потом с ребятами...

— А так ли оно? Говорят, Евка снова к тебе липнет... Совесть потеряла, бегает каждый вечер за десять верст. Смотри, чтобы до беды не дошло. Принесет в подоле, что тогда скажешь?

— Вы, мама, такое наговорите...

Не ужинал.

На следующий день пришел к председателю колхоза.

— А, Гордей... Ну как дела?

— На работе — хорошо... Но у меня просьба к вам, личная.

Под Коростенем ведут новую дорогу, на строительстве нужны люди. Хочу поработать там какой-нибудь месяц.

— А как же делянка, участок твой? — укоризненно покачал головой Иван Петрович.

— Это мне просто необходимо. Понимаете? А на поле ребята без меня управятся, не подведут... Я вам вполне серьезно говорю — отпустите хотя бы на месяц. Не отпустите — совсем уйду.

— Не годится так, не годится. Ты подожди... Хорошо обдумал? Действительно необходимо?

— Иван Петрович!

— Ладно, ладно. Нужно — значит нужно. Но ты долго не задерживайся. Хоть к уборке возвращайся.

— Я раньше, Иван Петрович...

Была Ева в клубе, не видела Гордея. Говорили ребята, что куда-то уехал, а куда — никто не знает.

Больше месяца не было Гордея в Миньковцах.

Даже сам удивлялся, как выдержал так долго. Еще когда ехал в Коростень, спохватился, думал вернуться, но уже не хотелось быть смешным в глазах односельчан.

Дорога — это здорово! Перелопатили горы песка, щебенки. Первые бетонные плиты уже легли. Чудесно будет ездить по такой дороге!

Подружился Гордей с парнями. Заприметила его нормировщица Люся. Для него всегда была наготове улыбка, приветливое словечко. Бывало, подойдет к бульдозеру, заберется на сиденье и чуть ли не полдня с Гордеем в пыли и грохоте.

— Почему ты словно напуганный? — спрашивает Гордея.

— Как это так?

— Девчат обходишь десятой дорогой...

— А что мне с ними делать?

— Парень вроде бы и видный...

Гордей не стерпел подтрунивания, грубовато прижал к себе. А она шею руками оплела:

— Приходи вечером к Казацкому ключу!

Он мгновенно отпустил ее. Вот так пошутишь с этими девчатами...

Приехал домой и сразу же отправился в Пещаницу. Пошел прямо к Евиному дому. Постучал, сказал матери, чтобы вышла Ева.

Она шагнула на порог в скромном домашнем платьице, непокорная каштановая прядь волос упала на щеку... Стояла нерешительно, всматриваясь в темноту. Узнала и молча прильнула к нему. Он гладил ее по голове, вдыхал знакомый запах ромашки. Потом отступил на шаг, словно хотел разглядеть, изменилась ли ее осанка.

— Не смотри так. Я ошиблась...

Гремела музыка, бояре и дружки пели свадебные песни, в горницу вносили каравай. На почетном месте, гордый и счастливый, сидел Володька Садовый возле своей белобрысой жены.

— И когда он успел? — удивлялся Гордей.— Горько! — неожиданно для себя крикнул.

Володя укоризненно взглянул на него и смущенно поднялся, подал руку супруге, наклоняясь к ее лицу.

— Интересно, избавится ли он от своей неловкости хотя бы к нашей свадьбе? — шепнул Еве на ухо Гордей.

ОШИБИТЬСЯ АДРЕСОМ

Спать совсем не хотелось. Пассажиры нашего купе за эти несколько суток совместного путешествия произвели взаимный обмен всей наличной литературой, перечитали журналы и газеты, которыми их любезно снабдила проводница, рассказывали анекдоты, закусывали и... зевали, наблюдая за мелькающими пейзажами. До вечера было далеко, как пешком до Китая.

Некоторое оживление в дремотную атмосферу внесла пожилая женщина, которая села на одной из небольших степных стан-

ций. Время от времени вздыхая и бормоча что-то под нос, она распихала свой багаж на верхние полки. Управившись с этим, еще раз вздохнула — уже с ноткой облегчения — и в сердцах выдохнула:

— А леший бы ее взял!

— Кого? — сочувственно поинтересовался кто-то из нашей компании.

Женщина помолчала, словно не расслышала, а потом внезапно вспыхнула, как кострица:

— Кого же, как не ту почту, век бы с ней не знаться! Хотя что я говорю — если бы не она, то мне волком вой. Сын далеко, в гости часто не наездится, так хоть, слава богу, письма шлет. Я на нее и не в обиде была. Наоборот — почтальоны для меня самые родные люди. А тут — подвела меня почта. Ну подумайте сами, люди добрые,— сын дает телеграмму, что женится, чтобы приезжала. А мне аж через три дня ее принесли. Пока собралась, туда-сюда — смотрю, приеду под самый занавес.

— Это ничего, тетенька, как раз успеете на крестины.

— Конечно, лоботрясы могут и до свадьбы крестины устроить. Мой сын не такой. Он парень добрый, рассудительный, не хулиган.

— Разве только от хулиганов приносят в подоле?

— А-а, с тобой, видать, поговоришь, как с той зеленой в болоте...

— Это, наверное, вам перед праздником сын телеграмму давал,— отозвался юноша лет двадцати шести, который почти всю дорогу молчал, уткнувшись в книжку.

— Отправлял перед праздником... А что?

— В такие дни почта всегда перегружена. Об этом даже предупреждают, объявления вывешивают: поздравляйте родных и знакомых заранее. В предпраздничные дни на почте работы много. Нужно было сыну вашему «молнию» ударить...

— Да я в этом не разбираюсь...

— Правда, может, сын все правильно сделал,— продолжал парень.— Но ведь столько телеграмм, писем ежедневно идет во

все концы, что иногда может получиться недоразумение. Вот так и со мной случилось,— сказал и сразу замолчал.

Борис, кучерявый, чернявый, как цыган, свесил голову со второй полки и засмеялся:

— Нет, ты давай трави дальше. Выдавил слово за три дня и испугался?

— А что говорить?

— Ну, что с тобой натворили почтальоны?

— Ничего интересного...

— А если неинтересно, то немного приври...

— Врать нечего... А рассказать можно. Собственно, ничего удивительного в том, что случилось, нет. Дело в том, что фамилия моя неоригинальна — Гнатенко. А у нас ее полсела носит. Да и имя нередкостное — Петром зовут. Таких Петро Гнатенко в селе наберется с полдесятка.

— А отчество?

— Здесь тоже сложности. Вот, скажем, пишут мне письмо — Гнатенко Петру Кирилловичу. Чтобы покороче было, напишут на конверте «Гнатенко П. К.». А у нас этих «П. К.» — и Павлы Кондратьевичи, и Петр Кузьмич есть, и Панас Константинович... И все Гнатенко. Вот и бывает, что придет письмо и только через неделю попадет в твои руки — пока не обойдет всех тезок. И наоборот — тебе придет почта, а видишь — не твоя. Для ясности кое-кто из наших просит надписывать в скобках на конверте специальность или еще что-нибудь.

— А не проще ли нумеровать дома?

— Теперь за это взялись, официально называют улицы, и не будет путаницы. Но ведь раньше ничего этого не было...

Надо сказать, что после школы я поехал на целину, получил там специальность электрика и работал на хлебоприемном пункте, пока мать не написала, что плохо у нее со здоровьем, просила приехать — самой трудно... Я вернулся и начал работать электриком в колхозе.

Все идет как следует, я доволен работой, отношение ко мне нормальное. Жизнь — как жизнь... А через месяц после приезда

получаю письмо. Почерк вроде бы и знакомый, и незнакомый, подписано — Галина Ярославцева. Пишет: хоть бы разочек черкнул о житье-бытье, а то уехал — и ни слуху, ни духу. О себе сообщает, что у нее особых новостей нет, а ребята, с которыми я дружил, переехали в Омск. И добавляет, что адрес мой взяла у них.

Вы, наверное, знаете, что на хлебоприемном пункте работы хватает на весь год. Зерно, полученное от совхозов в период жатвы, нужно пересушить, очистить, отгрузить потребителям, а то, что остается на зиму, должно быть под неусыпным контролем, чтоб не испортилось, не сопрело. А в период жатвы у нас настоящий аврал. На помощь прибывают командированные, студенты, школьники. Сколько людей!.. Кто же из них Ярославцева?

Я напряг память, и как наяву предстало знакомое девичье лицо... Да, ее звали Галиной, работала в столовой нашей. Особенного в ее внешности не было ничего — высокая, длинноногая, худенькая. Ни ярких губ, ни глаз-звездочек. Такая себе обычная девушка. Между тем в ее облике было что-то такое, что не могло оставить равнодушным. Несколько месяцев она мне очень нравилась. Я часто останавливал на ней взгляд, казалось, иногда и на меня девушка посматривала искоса. Но моя стеснительность... Фамилии ее я, правда, не знал, но ребята, с которыми я дружил, действительно собирались в Омск. Вот так вроде бы все и сходится. Я обрадовался и ответил на письмо, не обратив внимания, что в обратном адресе значилось вместо Степнякского хлебоприемного пункта совхоз Степнякский. Но, пожалуй, если бы и заметил это, подумал бы, что она перешла работать в совхоз.

Отправил я письмо и стал с нетерпением ожидать ответ. Снова вспоминал степь в тюльпанах — весной, когда они цветут, там здорово, и простор, простор же какой! И хлеба, хлеба...

Неделя пролетела в ожидании письма. Потом еще одна минула, и я подумал, что никакого ответа уже не будет. Но он пришел, через три дня получаю еще письмо. Потом они посы-

пались как снег. И все авиапочтой. Вначале сдержанные, они становились все более горячими, нежными. Кому не знакомо чувство, когда тебе исповедуется девушка, приятная тебе?

Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы в конце концов не заметить несоответствия между человеком, которому адресовалась эта нежность, и моей грешной личностью. Я попросил девушку прислать свою фотокарточку. Фотокарточка не развеяла сомнений. Было что-то в облике изображенной на ней девушки знакомое и словно какие-то другие, чужие черточки виделись. Разве что фотокарточка давняя?

Переписка продолжалась уже полгода. Я привык к тому, что у меня есть друг, душевная девушка, которой можно поверять и свои мысли, и чувства. Иногда думал — пусть это будет не та Галя, которую знал,— какое это имеет значение. Так или иначе в жизнь одного человека входит другой. Одних для этого знакомят специально, иные сходятся на танцах, некоторые просто на улице. А то еще даже по переписке находят себе пару... Для ясности я послал ей свое фото. И все стало на свое место. Галя обиделась — пошутить надумал? «Не нужно мне это чужое фото»,— с такой припиской возвратила мою несчастную копию...

Рассказчик умолк, всматриваясь в окно, за которым стлалась степь с кустиками редковатой бурой растительности. У горизонта появилось несколько верблюдов, они важно шли с гордо поднятыми головами. Гнатенко следил за ними, пока они не исчезли из виду.

— Ну а что дальше? — нетерпеливо заерзал на полке Борис.

Гнатенко отвел взгляд от окна.

— Что же дальше... Значит, сомнений не было — Галя ошиблась адресом. Думаю, надо разыскать своего тезку, который бывал на целине. Прихожу в субботу в клуб, и кого вижу — Гнатенко Петра, недавно вернувшегося из армии. Подхожу, говорим о том о сем. «Далеко служил?» — спрашиваю. «На целине»,— отвечает. Выясняется, неплохо знает Астраханский район. «А в Степняке бывал?» — интересуюсь. «Конечно,— говорит,— мы там

целый месяц зерно возили, помогали совхозу». Значит, были мы соседями. «Хорошие там девчата»,— бросаю слова наугад. «Неплохие,— отвечает тезка,— была там у меня одна, Галиной звали».— «Не Ярославцева?» — уточняю. «Ярославцева! А ты откуда знаешь?»

В тот вечер я отдал ему пачку писем, хотя и жаль их стало. Просмотрел он несколько штук и говорит: «Знаешь что, оставь их у себя, они больше твои».— «Нет,— отвечаю,— письма твои».— «А, не хочу я с ней канителиться!» — отмахнулся тезка. Я возмутился — так напиши ей об этом. «Ты и напиши — столько ведь переписывался!»

Честно говоря, хотелось мне стукнуть его. Но ведь это не метод... Делать нечего, вымучил я жестокую отписку — так и так, мол, мы оба жертвы недоразумения; но, между прочим, если желаешь переписываться со мной, а не с тем, за кого принимала, то пожалуйста. Кстати, добавляю, тот Петр Гнатенко, которому ты адресовала свои письма, не хочет больше тебя знать.

— Но неужели по почерку не могла она догадаться, что ты — не ее знакомый? — удивился Борис.

— В том-то и дело, что все ее письма от самого первого попадали ко мне, а раньше они не переписывались.

Вскоре после того, как написал о нашей ошибке, я получил вызов на телефонный разговор с Галей. Как видите, очень близко приняла все к сердцу. Я решил с ней переговорить, чтобы окончательно поставить все точки... Во всяком случае, по голосу должна определить, что я не тот, за кого она меня принимала.

Но разговора не получилось. Как только телефонистка соединила нас, Галя стала упрекать меня, зачем я написал ей такое, неужели я совсем бессердечный. Я говорю, что написал правду. На проводе — треск и далекие слезы. Вмешалась телефонистка, говорит: «Житомир, Житомир, успокойте абонента!» А как я ее успокою? Кричу — хватит плакать, а то брошу трубку. Она вроде успокоилась, а потом спрашивает так до-

доверчиво-беззащитно: «Петя, ну скажи — это ты?» — «Нет,— говорю,— не я». И, понимая, что несу чепуху, поправляюсь: «Я,— мол,— конечно, только не совсем точно, немножко не тот». Словом, запутался так, что уже не могу различить, кто я на самом деле и какое отношение имею к той девушке.

Так мы толком и не объяснились — время разговора вышло. Пришел я домой, и такая меня досада взяла — все вроде слышу ее по-детски доверчивое: «Это ты?» Чуть не начинаю верить, что я — это я, то есть тот, кого она знала. Чувствую себя виновным... А через несколько дней снова письмо. Хотел не распечатывать, отошлю, думаю, обратно или занесу своему тезке. Но разве это поможет? Все-таки разорвал конверт, вынул лист, бегло просмотрел, и буквы перед глазами запрыгали. «Не мучай меня больше. Не приедешь — не знаю, что с собой сделаю»,— писала Галя.

С этим письмом побежал я к своему злополучному тезке. А он, говорят, куда-то уехал. И надолго... Рассказываю своей матери обо всем, как есть. Мать сразу не поверила: сынок, мол, сынок, до чего же ты дожил, девушку с ума свел и врешь старой матери. Поезжай, говорит, к ней и смотри, чтобы все было хорошо.

И вот я в дороге...

Пораженные этой удивительной историей, мы сразу не могли промолвить и слова. Поезд Киев — Павлодар гремел на стрелках, одолевая рыжеватую казахстанскую степь, то ускоряя, то замедляя бег.

— Ну и что ты ей скажешь, когда увидит, что ты не тот, за кого она тебя принимала? — первым нарушил молчание Борис.

— Не знаю. Приеду, посмотрю... Тут, видимо, не только Галя. Степь стала мне бескрайняя сниться и люди, которых там узнал.

С этими словами он потихоньку достал свой чемодан с верхней полки.

— Ну, бывайте все, мне скоро выходить,— сказал и начал пробираться к выходу.

— Встречаются же чудаки на свете! — вздохнул Борис, поправляя свою подушку.— Я, например, хлопец отчаянный, но чтоб такое... Ехать за тысячи километров, не зная к кому?!

Поезд замедлил ход. Мы припали к окнам, наблюдая за нашим попутчиком. Парень остановился на перроне, поставил чемодан и начал оглядываться по сторонам. Однако к нему никто не подходил, и он стоял, ощупывая взглядом лица незнакомых людей...

СОДЕРЖАНИЕ

Приснились мне звезды. Перевел А. Филатов 3
Тоньше паутинки. Перевел А. Ольшанский 15
Ловец птичьих голосов. Перевел автор 24
Свадебное путешествие без любимой. Перевел В. Юрченко . 34
Дичок. Перевел автор 45
Немудреный мотив. Перевел автор 55
Характер. Перевел А. Медведев 59
Ошибиться адресом. Перевел В. Юрченко 71

Петро Кузьмич ФЕДОТЮК

ЛОВЕЦ ПТИЧЬИХ ГОЛОСОВ

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**
Редактор **А. Корнеев**
Художественный редактор **Г. Комаров**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректоры **И. Ларина, Е. Сахарова**

Сдано в набор 04.01.83. Подписано в печать 13.05.83. А 05141. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 3,5. Учетно-изд. л. 4,0. Тираж 75 000 экз. Цена 25 коп. Издат. № 2304. Заказ 3—172.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь».
Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

25 коп.

Молодая гвардия